

На правах рукописи

Доронин Дмитрий Юрьевич

**«СОВЕТСКАЯ ИКОНА» КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН
(ПО МАТЕРИАЛАМ НИЖЕГОРОДСКОГО РЕГИОНА)**

Специальность 5.10.1 – Теория и история культуры, искусства

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва 2023

Работа выполнена в УНЦ визуальных исследований Средневековья и Нового времени факультета культурологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ)

Научный руководитель:

Антонов Дмитрий Игоревич
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Белова Ольга Владиславовна
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
отдела этнолингвистики и фольклора
Института славяноведения РАН

Сукина Людмила Борисовна
доктор исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой подготовки кадров
высшей квалификации, Институт программных
систем им. А.К. Айламазяна РАН

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (МАЭ РАН)

Защита диссертации состоится **«11» декабря 2023 г. в 14.00 часов** на заседании Совета по защите кандидатских и докторских диссертаций 24.2.366.09, созданного на базе ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», по адресу: 125993, г. Москва, ГСП-3, Миусская пл., д. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Российского государственного гуманитарного университета по адресу: 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., д.6., и на сайте РГГУ по адресу:

https://www.rsuh.ru/dissovet/1_dis_Doronin_DYu.225.pdf

Автореферат разослан « ____ » _____ 2023 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

Ирина Николаевна Захарченко
кандидат исторических наук, доцент

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Наша диссертация посвящена практически не изученному до сих пор явлению – «советским иконам». Этим термином мы обозначаем иконы, которые в эпоху СССР кустарным способом изготавливали преимущественно сельские мастера, используя материалы, доступные в советском селе или городе.

После антирелигиозных кампаний 1920–1930-х гг. официальное производство икон, за редким исключением, было прекращено, иконописная традиция прервалась, исчезли церковные ремесла, мануфактуры, а также инфраструктура распространителей и сбыта (иконные ряды, монастырские лавки) религиозных товаров. В советские десятилетия иконы изготавливали уже не артели, мануфактуры, иконные мастерские или фабрики, а кустари-одиночки. Иконный промысел существовал нелегально, в условиях гонений на религию, товарного дефицита и неофициальных, «теневых» социальных связей.

Кустарные иконы играли важную роль в религиозной культуре и, шире, в сельской жизни 1920–1990-х гг. Они оказались важным связующим звеном между угасшими дореволюционными и возрожденными в постсоветской России церковными ремеслами. Вокруг этих икон выстраивалось множество неочевидных социальных, экономических и религиозных практик. Во второй половине XX в. сформировалось множество локальных традиций их изготовления, с разными технологиями, орнаментами и видами декора.

Несмотря на то, что «советские иконы» были самым значимым и массовым религиозным артефактом в советскую эпоху, это явление до сих пор не было комплексно изучено. Иконы, представляющие локальные традиции разных российских областей, не были введены в научный оборот. Это определяет актуальность нашего диссертационного исследования. Оно нацелено на комплексное социокультурное исследование важнейшего и практически не описанного пласта русской религиозной культуры XX в., его генезиса, социальной специфики, локальных особенностей – на примере «советской иконы» юго-запада Нижегородской области. Это позволит глубже понять особенности православной культуры и материальной религии эпохи СССР.

Хронологические и географические рамки исследования

Хронологические и географические рамки исследования определяются необходимостью комплексного изучения истории, этнографии, культурной антропологии нижегородской «советской иконы» как важного явления кустарного теневого промысла и религиозной жизни в эпоху СССР. В фокусе исследования – предыстория, эпоха

становления и существования «советских икон». Для изучения предыстории привлекаются материалы по *расхожей* (массовой, недорогой, простонародной) иконе в XVII–XIX вв., а для рассмотрения постсоветских особенностей бытования икон – данные, относящиеся к 1990–2020 гг. В отдельных случаях мы обращаемся к материалу из еще более ранних эпох: так, например, ряд инструментов, техник и изобразительных мотивов *образовников* (мастеров «советской иконы») восходит к арсеналу древнерусских мастеров-чеканщиков, известному по смоленским и черниговским находкам IX–X вв.

В советские годы существовало несколько значимых регионов промысла «советской иконы». Одним из центров, в котором этот промысел развивался на протяжении десятилетий, порождая многообразие локальных традиций, была Нижегородская (Горьковская) область. Именно нижегородские материалы, собранные в экспедициях 2000–2020-х гг., легли в основу этой диссертации.

Необходимо пояснить, почему для названия диссертации мы выбрали прилагательное «нижегородский», а не «горьковский». Конечно, большая часть артефактных источников нашего исследования происходит из Горьковской области (1950–1980 гг.). Однако вся информация о «советских иконах» (устные, печатные источники), как и сами иконы, были получены нами уже в Нижегородской области. Поэтому в названии диссертации было решено вынести нейтральную собирательную формулировку «нижегородский регион», означающую не административно-территориальную единицу, а географическую зону исследований.

Некоторые важные для нас источники происходят из сопредельных регионов – из Владимирской и Ивановской областей. Объясняется это тем, что ближайшими центрами дореволюционного производства фолежных икон-киоток, повлиявших на становление нижегородского промысла «советской иконы», были иконные мастерские и фабрики сел Вязниковского уезда Владимирской губернии, некоторые его части в советское время были переданы Ивановской области.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования являются «советские иконы» Нижегородской (Горьковской) области – одного из ключевых регионов промысла расхожих икон эпохи СССР.

Предмет исследования – генезис, социокультурные и материальные особенности промысла нижегородской «советской иконы».

Цель и задачи

Цель работы состоит в комплексном исследовании нижегородской «советской иконы» как социокультурного и материального феномена эпохи СССР, а именно – его генезиса, развития, трансформаций и специфики.

Это предполагает решение ряда задач:

- изучить исторические предшественники «советской иконы» – расхожие иконы XVII–XIX в.;
- проанализировать материальные, технологические и социальные аспекты трансформации промысла фолежных икон-киоток в советскую эпоху;
- исследовать акторов промысла и социальные сети (создателей, распространителей, потребителей), характерные для промысла расхожих икон в XVII–XIX вв. и расхожих фолежных икон в советскую эпоху;
- выявить и типологизировать наиболее яркие локальные традиции «советской иконы» в нижегородском регионе, их стилистические и материальные особенности;
- исследовать социокультурные особенности промысла фолежной иконы-киотки в рамках отдельных традиций нижегородского региона.

Источниковая база

Исследование основывается на трех основных группах источников:

1) *Артефакты*: фолежные иконы-киотки дореволюционного и советского времени, инструменты и материалы мастеров. Для анализа привлекаются артефакты, выявленные в ходе экспедиций, а также подаренными нам местными жителями (более 250 «советских икон» разных локальных традиций).

2) *Визуальные источники*: около 1000 фотоснимков и более 50 видеороликов, сделанных нами в экспедициях 2000–2020-х гг., позволили зафиксировать для анализа: «советские иконы» в среде их бытования (в домах, храмах, церковных/монастырских хранилищах, часовнях); информацию об ушедших и ныне живущих мастерах: их инструменты и материалы, технологии и особенности ремесла.

3) *Устные источники*: нарративы об иконах и о мастерах советской эпохи, выделенные нами из корпуса интервью (более 50), записанных в ходе экспедиций 2021–2023 гг. Этот тип источников позволяет получить информацию об особенностях иконного промысла в Нижегородской области в советское время: о биографии и ремесленной деятельности мастеров, о значении «советских икон» в теневой экономике и религиозной жизни в эпоху СССР.

4) *Литературно-художественные источники*: описания фолежных икон-киоток и связанных с ними религиозных, социальных и экономических практик, извлеченные из художественных произведений отечественной литературы (Ф.В. Булгарин, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.С. Лесков, Н.А. Лейкин, И.А. Бунин, А. Белый, М.А. Булгаков и др.)

5) *Статистические, этнографические обзоры конца XIX – начала XX вв.*: при анализе генезиса «советской иконы» привлекаются материалы для оценки земель губерний Российской Империи, обзоры по кустарным промыслам крестьянского населения, состоянию иконного промысла, отчеты статистических комитетов (И.А. Голышев, Н.А. Добротворский, Н.И. Златоверховников, В.К. Казакевич, Н.П. Кондаков, П.Ф. Леонтьев, С.В. Максимов, И.И. Пантюхов, Д.К. Тренев и др.).

Теоретико-методологические основания исследования

Главное понятие нашей диссертационной работы – «советская икона», оно было введено в наших совместных с Д.И. Антоновым исследованиях 2021–2023 гг. Вводя этот термин в научный оборот, мы ориентируемся на антропологическую традицию изучения советской материальности (А.С. Архипова, А.А. Кирзюк, А. Голубев, Н.В. Ссорин-Чайков). Для этой традиции наиболее значимым является социальная экономика, биография вещи, сетевая текучая пространственность, теневые ресурсные потоки и сети человеческих и нечеловеческих агентов, формирующих вещь как целое, как социальный и технологический комплекс (А. Аппадурай, В.С. Вахштайн, И. Копытофф, Б. Латур, Дж. Ло, С.М. Третьяков, Р. Харре). Термин «советская икона» определяется уникальной социальной спецификой изучаемого нами явления: ситуацией гонений на религию, «теневых» связей в производстве и распространении религиозных артефактов, экономикой дефицита, в которых создавались и бытовали фолежные иконы-киотки в эпоху СССР.

В широком аспекте наша работа оказывается вписана в контекст современных исследований по материальной религии, антропологии христианского искусства и вернакулярной религиозности, где значимую роль играют научные разработки Б. Майер, Л. Приммиано, В. Кина, А.А. Панченко, А.С. Агаджаняна, Ж.В. Корминой, С.А. Штыркова и др. исследователей. Полевые экспедиционные методы (прежде всего, фольклорно-этнографический опрос и глубинное интервью) позволили нам собрать богатую информацию о материально-технологических особенностях, вернакулярных практиках и социальных сетях промысла «советской иконы» в разных районах Нижегородской области.

Анализируя локально-географическую специфику полученных данных и используя сравнительно-типологический метод, мы выявили несколько традиций промысла «советской иконы». Сравнительно-исторический метод позволил нам соотнести особенности промысла «советской иконы» с особенностями промысла ее предшественников (других форм расхожей иконы XVII–начала XX вв.). При обращении к социальному контексту промысла нас интересуют акторные сети и семиотические идеологии, а при анализе материально-технологического контекста – различные аффордансы (материалы, технологии, культурные установки и пр.), определяющие возможность развития промысла расхожих икон того или иного типа. В широком смысле *аффорданс* (от англ. *affordance* – ожидаемое назначение, возможность действия) понимается как возможность окружающей среды, свойство предмета или объекта, которое позволяет использовать его определённым образом (Д. Гибсон, В. Кин).

Исследуя историю и предысторию «советской иконы», мы также используем терминологию, употребляемую в искусствоведческих работах: «позднее иконное дело», «поздняя русская иконопись», «поздняя икона», а также термины для конкретного типа поздней иконописи («народная икона», «расхожая икона»), для разновидностей этого типа («подфолежная икона» и «икона-киотка»). «Советская икона» – развитие расхожей фолежной иконы в советскую эпоху.

Степень изученности проблемы

Предыстория, генезис «советских икон» как преимущественно сельских икон-киоток эпохи СССР, связаны с промыслом расхожих икон с XVII по начало XX в. К истории промысла расхожих икон разных типов обращались в своих работах А.В. Бакушинский, Н.В. Покровский, А.И. Сахаров, О.Ю. Тарасов, Л.А. Успенский и др. С середины XIX в. расхожим иконам были посвящены статьи и очерки журналистов, писателей, путешественников, краеведов, этнографов, священников (Г.Н. Гуляев, А. Доброхотов, И.Е. Забелин, А.И. Звездин, Н.С. Лесков, С.В. Максимов, Д.А. Ровинский, К.Н. Тихонравов, Г.Д. Филимонов). Промысел фолежных икон-киоток в селах Вязниковского уезда – важнейшем центре производства расхожих икон – с 1860-х гг. изучал И.А. Голышев, десятилетиями позже их исследовали П.Ф. Леонтьев и И.И. Пантюхов. В конце XIX – начале XX вв. Н.А. Добротворский, Н.В. Пономарев, В.К. Казакевич и Н.И. Златоверховников описали аналогичный промысел в другом важном центре, слободе Борисовка Курской губернии, в среде антикваров этот центр известен как «южнорусский» (А. Ильин). Кроме того, описания северных и южных традиций сельской рукодельной иконы рубежа XIX–XX вв. содержатся в публикациях участников Комитета

попечительства о русской иконописи и сочувствующих им авторов – Т.П. Георгиевского, Н.П. Кондакова, Д.К. Тренева, С.Д. Шереметева.

Следующий пик научного и общественного внимания к поздней иконописи, к «народной» или крестьянской ремесленной иконе пришелся на рубеж XX–XXI вв. (А.В. Афанасьев, В.В. Баранов М.В. Басова, Г.Н. Бочаров, И.Л. Бусева-Давыдова, Д. Вальчак, Х. Вилламо, Е.А. Данченко, А. Ильин, Н.В. Казаринова, Т.М. Кольцова, М.М. Красилин, Е.В. Никольский, И.А. Припачкин, В.Г. Пуцко, Е.В. Ройзман, О.Ю. Тарасов, Ю.А. Халтурин, М.А. Чернов и др.). Немалая роль в этом принадлежала исследованиям и методическим разработкам специалистов Государственного научно-исследовательского института реставрации (ГосНИИР), участников первой международной конференции по поздней иконе 1995 г. Фактически, до конца 1980-х гг. большинством историков русского искусства такая икона не рассматривалась в качестве предмета серьезного научного исследования, ей были посвящены единичные работы (Е.Ф. Каменская, В.Д. Королюк, А.А. Тиц). Расхожей иконе XVIII – начала XX вв., истории ее ремесленных центров посвящено несколько диссертационных исследований – В.В. Баранова, М.А. Комовой, И.А. Припачкина и др.

Для анализа материальных и технологических особенностей фолежных икон-киоток XIX и XX вв. немаловажными оказываются и отдельные материалы из работ по истории славянских и древнерусских ремесленных техник по металлу (А.В. Арциховский, И.Е. Забелин, Б.А. Колчин, Н.П. Кондаков, Т.И. Макарова, Л. Нидерле, Б.А. Рыбаков, Н.В. Рындина, М.В. Седова).

Что касается непосредственного объекта наших исследований, икон-киоток эпохи СССР, литература, посвященная им, крайне скудна. Эти иконы не воспринимали как самобытное религиозное искусство, как значимый этнографический артефакт. О развитии фолежной иконы в эпоху СССР упоминается в небольшой статье 1929-го г. А.А. Захарова и А.М. Скипетрова. В последние годы появилось лишь несколько исследований, в которых затрагивается эта проблематика. Об таких иконах писали С.В. Веретенникова, Л.П. Горюшкина, К.В. Стомаченко. Однако эти работы посвящены описанию исключительно южных традиций фолежной иконы (Воронежская, Липецкая, Тамбовская области). Авторы этих статей не проводят четкого разграничения дореволюционных фолежных икон, икон эпохи СССР и постсоветского времени. Уникальная социальная и материально-технологическая специфика «советских икон» не выявляется и не становится предметом их исследования.

Однако при всей внешней схожести дореволюционных и «советских икон-киоток», мы имеем дело с разными явлениями, которые отличаются и в материальном, и в

социокультурном аспектах. Их различия и уникальные особенности икон советской эпохи были описаны мною, Д.И. Антоновым и работавшими с нами студентами (А.И. Завьялова, С.М. Тюнина, М.Х. Эль-Факи) в статьях и монографиях, написанных при подготовке диссертационного проекта. В диссертации были использованы также подготовленные мной разделы книг и статей, написанных в соавторстве с Д.И. Антоновым. Разделы и фрагменты, в основе которых лежат идеи и положения, предложенные Д.И. Антоновым, приводятся в диссертации в кратком пересказе с соответствующими отсылками и с разделением авторства.

Научная новизна исследования

В данной работе впервые проведено комплексное исследование нижегородской «советской иконы» как социального и культурного феномена эпохи СССР. До недавнего времени «советские иконы» не становились предметом серьезного научного изучения.

В диссертационном исследовании впервые представлен анализ исторических форм иконного промысла как комплексный анализ аффордансов, технологий, социальных сетей и семиотических идеологий. Впервые подробно охарактеризованы акторы, входившие в социальную сеть промысла (поставщики, распространители, мастера, работники сторонних производств, заказчики и пр.), дана типология мастеров-образовников. Проведенная работа позволила выявить и описать неизвестные ранее локальные традиции «советских икон», ввести в научный оборот широкий корпус не исследованных ранее материалов.

Теоретическая и практическая значимость работы

Результаты, полученные в ходе исследования, помогают реконструировать и изучить историю и предысторию русского иконного промысла советского периода. Это представляется важным шагом в исследованиях официальной и вернакулярной культуры в СССР, народных промыслов и религиозных традиций эпохи гонений на Церковь и религию. Нарботки, полученные в рамках диссертационного исследования; могут быть использованы при создании региональных коллекций, музеев и выставок религиозных артефактов советской эпохи.

Результаты диссертационного исследования могут представлять интерес для специалистов по истории России, культурологии, этнографии, культурной антропологии, искусствоведению и религиоведению. Его материалы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях по советологии, истории Церкви, религиозной антропологии. Наше исследование вносит вклад в разработку методик сохранения

культурного наследия. Его результаты могут быть использованы при подготовке лекций, семинаров и спецкурсов по истории, антропологии, семиотике и этнографии религиозного искусства, материальной религии и другим темам.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности

Диссертация соответствует паспорту ВАК по специальности 5.10.1 «Теория и история культуры, искусства» (области исследования: 1.7. Культура и религия, 1.8. Генезис культуры и эволюция культурных форм, 1.9. Историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов, 1.15. Роль культурного наследия в жизнедеятельности общества, 1.30. Художественная культура как целостное образование, ее строение и социальные функции, 1.35. Культура и хозяйственно-экономическая жизнь общества).

Апробация работы

Результаты исследования изложены в двух книгах, написанных в соавторстве с Д.И. Антоновым, а также в 25 публикации – статьях и тезисах конференций (включая 6 статей в рецензируемых научных журналах, рекомендуемых ВАК и 3 статьи в рецензируемых научных журналах, индексируемых Scopus и WoS), а также в 14 выступлениях в научных центрах России, Хорватии, Эстонии.

Список основных международных конференций: III Международная конференция «Изображение и культ: сакральные образы в христианских традициях» (Москва, РГГУ, 24–26 ноября 2022 г.), XXII Международная школа по фольклористике и культурной антропологии «Антропология религии» (Москва – Великий Новгород, РАНХиГС–РГГУ, 8–13 октября 2022 г.), Международная научная конференция «(Ре)конструирование религиозных практик на постсоветском пространстве» (Москва, РГГУ, 19 ноября 2021 г.), 17th Annual Conference of the European Association for the Study of Religions (Tartu Ulikool, European Assotiation for the Study of Religions (EASR), Тарту, 25–29 июня 2019 г.).

Исследования, положенные в основу диссертационной работы, позволили организовать две выставки спасенных артефактов. В феврале 2022 г. на базе Музейного центра РГГУ (отдел Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина) состоялась первая выставка «Советские православные иконы: исчезающее наследие» (кураторы: Д.И. Антонов и Д.Ю. Доронин). В январе–марте 2023 г. в Государственном музее истории религии (Санкт-Петербург) я выступил со-куратором первой общероссийской выставки «Советские иконы: религиозные артефакты эпохи гонений».

Положения, выносимые на защиту

1. «Советская икона» как социальный и культурный феномен народного промысла и религиозной жизни восходит к низовым ремесленным формам иконного промысла в XVII–XX вв. и, в частности, к фолежным иконам-киоткам XIX – начала XX вв., выпускавшимся артельно и фабрично в нескольких иконных центрах Российской империи. Самым крупным из таких центров на севере и в средней полосе страны был Вязниковский уезд Владимирской губернии (села Холуй, Палех, Мстёра), на юге страны – Борисовская слобода Курской губернии. Капитализация и глобализация промышленного производства и рынка таких массовых (расхожих) икон – характерные черты экономики их промысла, сложившиеся к концу XIX в. При советской власти прежняя инфраструктура иконного промысла в этих центрах была полностью разрушена. Однако материалы, техники и визуальные модели фолежных икон-киоток были использованы в следующей исторической форме их промысла – в кустарном надомном промысле «советской иконы».

2. «Советская икона» – это необычная форма расхожей иконы, в ее промысле присутствуют не все «общие черты» других форм расхожей иконы XVII – начала XX в. Прагматика промысла «советской иконы» не была связана с извлечением выгоды из массовости, «конвейерности» или быстроты производства. Основная прагматика заключалась в восполнении дефицита: прекратили существовать все другие формы иконного промысла, а также стоящие за ними капиталы и инфраструктуры, поэтому новым, «советским» мастерам-образовникам нужно было найти выход из сложившегося положения. Поэтому из предшествующих форм иконного промысла были заимствованы наиболее простые технологии, а дешевые расходные материалы были частично переизобретены. «Советская икона» сформировалась в эпоху гонений на религию, при отсутствии легального производства и легального рынка религиозных артефактов, в ситуации товарного дефицита. Это определяет вводимый нами термин: «советская икона» имеет типичные черты вещей из советской повседневности, создаваемых в условиях дефицита и теневой экономики.

3. Развитие и смена форм промысла расхожей иконы рассматривается нами в русле так называемого *материального поворота* и, конкретнее, *материальной религии* (Material Religion), направления, утвердившегося последние несколько десятилетий в исследованиях религиозных практик и артефактов. Расхожая икона каждого из исторических этапов промысла формируется своими аффордансами: промысловыми, промышленными, политическими, профессиональными, этническими и пр. Основные аффордансы промысла «советской иконы»: широкая доступность дешевой технологии

фотографии, модернизация и унификация молочной промышленности в начале 1960-х гг. Появление новых материалов и технологий вызывали социально-экономическую «пересборку» промысла расхожей иконы, а также споры по поводу допустимости этих инноваций и противодействия им. За разными социально-экономическими этапами промысла фолежных икон стоят разные: а) материалы и ресурсы; б) социальные отношения (акторные сети иконного промысла); в) семиотические идеологии (конфликты и конкурирующие интерпретации в процессе производства, распространения и использования икон). Концептуализация материалов по истории и этнографии промысла с помощью этих понятий позволяет более ясно представить генезис и процессуальность промысла расхожей и, в частности, «советской иконы» как социокультурного явления.

4. Комплексная святыня и бриколаж – важные характеристики, определяющие морфологию «советской иконы». В случае «советских икон» *киот* – это не просто футляр или ящик для иконы, киот образует с иконой и окружающим ее убором из фольги и бумаги одно целое. Советской фолежной иконы-киотки не существует без киота, она не может быть извлечена из него и существовать как самостоятельный ритуальный артефакт. Киот – потенциальное вместилище для украшений и небольших реликвий (венчальных свечей, крестиков и пр.). Их накопление в иконе формирует *комплексную семейную святыню*, относительно структуры и эстетики которой можно говорить об эффекте бриколажа. Кроме того, эффект бриколажа зачастую возникает из-за наслоения различных материалов (золотого шитья, лыка, старой и новой фольги, бумаги, пластика, старинных и новых моленных изображений), которое происходит за десятилетия существования и подновлений иконы.

5. Смена разных исторических и экономических типов промысла расхожей иконы связана не только с материально-технологическими трансформациями, но и социальной пересборкой сети акторов промысла. Анализ фолежной иконы-киотки необходимо предполагает исследование сети акторов, имеющих отношение к ее созданию. В XX в., как и веками ранее, социальная пересборка промысла сопровождалась сменой семиотических идеологий, определявших различные оценки икон, особенности «биографии» этих артефактов, а также нарративы, связанные с ними. Относительно промысла «советской иконы» в большей степени, чем в случае других исторических форм расхожей иконы, закономерно говорить о вернакулярных, не институализированных религиозных практиках. Среди разнообразия вернакулярных практик вокруг «советских икон» можно выделить две основные группы: *практики производства* (собственно промысла) и *практики обращения* (циркуляции и использования). Вместе они описывают «жизнь» религиозного артефакта, «социальную биографию», «социальную траекторию»,

«социальную карьеру» фолежной иконы-киотки советского времени. Для локальных сообществ верующих людей практики производства в промысле «советской иконы» служили не только источником необходимых ритуальных артефактов, но и выполняли важную интеграционную функцию в этих сообществах. Различные акторы промысла оказывались связаны в фактически не замечаемую государством сеть по производству и обращению религиозных артефактов. Эта сеть не только производила иконы, но и постоянно актуализировала отношения между людьми по поводу религиозных артефактов и практик, поддерживала их значимость и, таким образом, саму себя.

6. В советское время сложились как локальные традиции «советских икон», так и разные типы мастеров-образовников. Для них характерны разные способы усвоения ремесленного опыта, разные принципы работы и сбыта икон, разные материалы и стилистические/художественные приемы. Локальная традиция «советской иконы» рождалась, как правило, в результате работы успешного мастера (или работавших вместе мастеров), который создавал сотни икон, оказывал влияние на других современных мастеров и, зачастую, передавал принципы работы и инструменты ученику. Эти локальные традиции имеют узнаваемые черты, которые повторяются в работах «образовников», входящих в ту или иную традицию. Однако традиции «советской иконы» оказались короткоживущими – они прервались с исчезновением СССР и ограничились двумя-тремя поколениями мастеров.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** диссертации обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень ее изученности, формулируется объект и предмет исследования, цель и задачи, представляются хронологические и географические рамки исследования, дается характеристика источников и теоретико-методологических оснований работы, определяется ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, описываются формы апробации работы, представляются положения, выносимые на защиту.

Первая глава **«Типы расхожих икон, регионы и акторы промысла в России XVII – начала XX вв.»** посвящена предыстории «советской иконы» и состоит из трех параграфов. Первый параграф называется **«"Суздальщина" и нижегородский юго-запад: исторический, географический, религиозный контексты»**, в нем описывается историческая, географическая, религиозная специфика региона исследований. Поскольку предмет диссертационного исследования конкретизирован территориально – «советская икона» нижегородского региона – нам было необходимо обратиться к истории

материалов, технологий и социальных отношений, повлиявших на становление ее промысла. В ходе исследований было выявлено две основных, ближайших зоны промысла, наиболее важных для нашего предмета: во-первых, это так называемая «суздальщина» (центр производства расхожих икон до прихода советской власти в сс. Мстёра, Палех, Холуй Вязниковского уезда на востоке Владимирской губернии), во-вторых, это юго-запад Нижегородской области, где в советское время сложилось несколько традиций фолежной иконы-киотки.

Возникновение иконного промысла в восточной части Владимирской губернии было определено во многом природными условиями: малым количеством пахотных земель, большими разливами рек, преобладанием болот и лесов смешанного и южно-таежного типа. Это яркий пример социально-экологических аффордансов промысла расхожей иконы. В подобных зонах рискованного земледелия в этой части Владимирской губернии, как и в соседних с ней Костромской и Нижегородской губерниях, складывались целые анклавные офенских (торговых) и ремесленных сел и деревень, специализирующихся на разных (кустарных или отхожих) промыслах.

Исторические связи между этими географическими зонами, этнические и религиозные трансформации, события военной, торговой и промышленной истории с XVI–XVII вв. создали социальный контекст развития промысла разных форм расхожих икон и распространения их по региону. Нижегородский юго-запад, населенный в основном финно-угорскими народами, не имевший глубокой христианской истории с центрами иконописи, воспринял традицию ремесленной расхожей иконы «суздальщины». В ходе христианизации края в большинстве домов «вчерашних язычников» домовыми образами оказывались не старинные писанные иконы, а дешевые расхожие «суздальские» киотки и подфолежки, купленные у «суздальских» же офеней. Позже, когда на нижегородском юго-западе и юге возникают свои иконные (монастырские и крестьянские) мастерские, а в советские десятилетия – надомные мастера-кустари, они производят в основном именно такие расхожие, напоминающие «суздальские» иконы.

В такой ситуации переноса-заимствования и дальнейшего развития нижегородского промысла расхожей иконы можно ретроспективно восстановить действие следующих типов аффордансов: этноконфессиональные (религиозные, визуально-артефактные аспекты национальной культуры мордвы, христианизация мордвы, основание монастырей), политические (войны, колонизация и христианизация края), торгово-промышленные (налаживание офенных торговых путей с «суздальщины», возникновение ярмарок с иконными рядами, монастырской иконной торговли в крае, а также иконных крестьянских и монастырских мастерских).

Второй параграф «**Массовая икона: история критики и семиотические идеологии**» посвящен разным интерпретациям и критике промысла расхожих икон в XVII – начале XX вв. Расхожая икона не была единым феноменом, она развивалась из разных промысловых форм и технологий – печатной иконы, заимствованной из Европы, массовой ремесленной продукции «мирских иконников» (светских мастеров из крестьян, специализирующихся на дешевых писаных иконах). Историю отношений ремесленников с церковью и государством, конфликтов и непониманий между потребителями «высокой» и «низкой» (народной) иконописи, между старообрядческим и православным благочестием можно представить как историю и сферу действия негативных (критических) и позитивных (охранительных) семиотических идеологий.

В диссертации исследованы наиболее яркие случаи полемики вокруг крестьянской ремесленной иконы и распространения западных иконографических сюжетов, печатных религиозных изображений и других технологических новаций на рубеже XV–XVI вв. В фокусе внимания – активное проникновение нового европейского искусства на Русь в царствование Ивана III (1440–1505 гг.), решения Стоглавого собора 1551 г. о необходимости лицевых иконописных подлинников и надзора над иконописцами, дискуссии «Собора на еретиков» 1553–54 гг. в связи с делом дьяка Ивана Висковатого (1553–1554 гг.), который видел в изменениях иконного письма «неправды», «несогласные с древним преданием». Мы рассматриваем критические позиции Зиновия Отенского, патриарха Никона, протопопа Аввакума Петрова и других церковных деятелей, также выступавших с критикой новаций в иконном деле. Наиболее острая критика печатных религиозных образов дошла до нас в духовной грамоте московского патриарха Иоакима Савёлова от 1674 г., пытавшегося запретить печатание, продажу священных изображений на бумаге и их употребление вместо икон.

Разные воплощения негативной семиотической идеологии в отношении массовых икон простого крестьянского письма сохранялись в течение всего периода развития расхожей иконы. В XVII–XVIII вв. критическую позицию к ним занимали не только традиционалисты, но и новаторы, сторонники массовых печатных икон, например, иконописец и теоретик живописи Иосиф Владимиров и первый русский экономист-теоретик, публицист и изобретатель И.Т. Посошков. В эти же времена критическая семиотическая идеология усложнилась: к числу критикуемых в иконном деле черт (западные заимствования в сюжетах и технологиях, особенности народного письма, понимаемые как невежество) добавились еще и специфические старообрядческие маркеры в изображениях и надписях.

В XIX в. с критикой массовой иконописи и производства печатных икон, выступали В.Г. Белинский, Н.С. Лесков, Ф.М. Достоевский, И.А. Гольцев и др., а в начале XX в. – участники Комитета попечительства о русской иконописи (далее – Комитета). Критике подлежали все формы массовой иконы: писанные – за вырождение и «мазню», печатные – как причина вырождения писанных. Вокруг промышленного изготовления печатных икон формируются две разновидности критической семиотической идеологии: внутренняя (исходящая изнутри иконного промысла, от иконописцев-«создальцев») и внешняя (исходящая от интеллигенции и людей богатых, не связанных с иконным делом, но желающих изменить ситуацию).

Семиотические идеологии традиционалистов не оставались неизменными: если для первых противодействий печатным иконам важнее был апологетический дискурс и отрицание таких икон как орудия католического влияния, то позже тема «латинских заимствований» теряет свою остроту, и массовая икона критикуется больше по другим причинам – «плохописание», «дурновкусие» и т.п. К началу XX в. в деятельности Комитета большую роль играли воображение и конструирование образа русской иконы, которую они стремились спасти и возродить: с опорой на «старорусский» васнецовский стиль конструировался образ «истинной русской иконы». Такую ситуацию можно проинтерпретировать как столкновение и попытку борьбы семиотических идеологий разных социальных классов с их интересами по отношению к русской иконе: расхожие писанные иконы (краснушки, щепные, подфолежки и др.) были прежде всего иконами для простого народа, а образцами порчи и вырождения они становились в логике идей членов Комитета. Здесь, как и веками ранее, противопоставлялись две формы иконописи – «высокая» и «низкая», для высших слоев общества и простого народа. Причем приверженцы идеалов «высокой иконографии» считали естественным определять направления развития и вкусы носителей ценностей «низкой иконографии», поскольку видели в ней не ценность, а, скорее, вред и упадок. Их позиция была позицией представителей государственной и культурной символической власти и, естественно, была патерналистской.

Как выражение позитивной семиотической идеологии по отношению к печатным образам и другим новациям и технологиям массового иконного промысла мы представляем взгляды крупных русских мастеров из Оружейной палаты и церковных деятелей XVII–XVIII вв.: Иосифа Владимирова и Симона Ушакова, Симеона Полоцкого, Ивана Посошкова, а также деятельность «мирских иконников» и иконописных артелей, использовавших прориси и гравюры с западных религиозных изображений, например из «Лицевой Библии» Пискатора (с 1639 г.) или Библии Вейгеля (с 1680 г.). К рубежу XIX–

XX вв. печатные иконы поддерживали не только производители и массы покупателей, но также Святейший синод и Министерство финансов, не соглашавшиеся с предложениями Комитета запретить это производство. Продажей и производством печатных и других форм расхожих икон занимались и монастыри, например, Троице-Сергиева лавра. Стремления, проистекающие из критической семиотической идеологии Комитета, невольно воплотились благодаря революции 1917 г. и последовавшим за ней антирелигиозным кампаниям: вся инфраструктура производства и распространения печатных и расхожих писаных икон перестала существовать. В новых условиях советского села и деревни развилась новая форма промысла расхожей иконы – кустарный промысел «советской иконы».

В третьем параграфе **«Акторы промысла расхожей иконы»** дан анализ социально-технологической предыстории промысла «советских икон»: представлены описания акторов более ранних форм промысла расхожей иконы. На протяжении пяти веков иконного промысла возникало несколько разновидностей «суздальской» расхожей иконы, за которыми стояли разные профессиональные группы, непосредственно вовлеченные в промысел (мастера), контролирующие его (например, цензоры и священники), институции (церковь, фабрики, промышленные выставки и пр.), а также их зачастую непростые отношения.

Подробнее мы рассматриваем контролирующие и цензурные практики Церкви и государства над деятельностью суздальских «мирских иконников» и их противодействие этому контролю. Проконтролировать всех их, в том числе по отдаленным от столицы губерниям, было сложно, поэтому в разных местах (например, в Вязниковском уезде) успели сложиться художественные стили, «пошибы», ориентированные на моду и предпочтения в разных сословиях и религиозных течениях.

В XIX в. складывается особенно сильная ремесленная специализация и разделение труда в «суздальском» промысле расхожей иконы. В создании иконы принимают участие не только иконописцы разных типов (личники, доличники и пр.), но и другие мастера, которые создают печатный образ, киот, фольгу и разнообразные украшения из нее (работники печатных и фольгопрокатных мастерских, чеканщики и др.) и те, которые «собирают» икону-киотку, помещая внутрь киота моленный образ (печатный или писаный) и элементы фольгового и бумажного декора. Эти новые профессиональные типы ремесленников, как и новые формы их организации (семейные, артельные мастерские, мануфактуры и фабрики), по сути, являются уже новыми (коллективными, капитализированными) акторами промысла.

Дифференциация и капитализация иконного дела сначала приводила к оформлению сопутствующих промыслов различных специализированных мастерских (киотных, печатных, фольгопрокатные, фольгоуборочных и пр.). Затем мелкие мастерские поглощались крупными хозяевами (разбогатевшими иконниками) и становились цехами при фабричном и заводском производстве. В параграфе подробно описываются такие мастерские, а также социально-экономические особенности деятельности деревщиков, киотчиков, изготовителей и поставщиков фольги и моленных образов, «уборщиц» (иконообдельческий промысел), офеней-иконщиков и тех монастырей, которые являлись крупными центрами производства и продажи расхожих икон.

В трех параграфах второй главы **«Пересборка материального и рождение «советской иконы»** анализируются материальные аспекты промысла фолежной иконы-киотки советского времени.

В первом параграфе **«Материалы и техники «сияющей иконы» в XIX – начале XX в.»** дается исторический анализ эволюции технологий и материалов, из которых изготовлялись предшественники «советских икон» – артельные и фабричные фолежные иконы-киотки XIX – начала XX вв. Для этого привлекается широкий корпус дореволюционных статистических (социально-экономических, этнографических) источников.

Важнейшими технологическими чертами расхожей фолежной иконы были «конвейерность» ее производства и фольга как доминирующий декорирующий материал. Базовые технологические приемы с металлами – ковка (горячая или холодная), разные виды чеканки, штампование и тиснение на матрицах – пришли в иконный промысел «суздальщины» из средневекового русского ювелирного дела Новгорода и других северных городов. Применяемые средневековыми чеканщиками инструменты практически не изменились до наших дней. Фолежные иконы (и «советская икона» в частности) наследуют не иконописному ремеслу, а многовековой русской традиции создания окладов, в которой были воплощены народные представления о связи «света» и «святости» как атрибутов Бога и проявления Его силы в религиозном артефакте (С.С. Аверинцев). Популярным в XIX–XX вв. фолежным иконам предшествовали другие разновидности икон, в оформлении (ризы, оклада) которых было подобное же важное свойство – возможность сиять, отражая свет. Ранее это свойство достигалось применением дорогих материалов (фольги из золота и серебра, серебрением, позолотой, драгоценными камнями), что было преградой для развития массовых расхожих икон.

Для того, чтобы «сияющая икона» стала массовой и популярной, необходимы были материальные и технологические новации, способные удешевить и убыстрить

производство. Такие новации становились аффордансами промыслов расхожей иконы разного типа, делая возможным их появление и дальнейшее развитие. Прежде всего это было: внедрение в промысел фольгопрокатного стана, штамповального прессы, паровой машины, технологий недорогих сплавов (латунь, станиоль) и фольги из них (1840–50 гг.), открытие гальванопластики (1838 г.) и технологии гальванизации медной фольги. Также мастера применяли различные технологические приемы, например, изменения цвета под золото у фольги из белого металла – техники «копченого» серебра (коптель) и специальных покровных лаков. В начале XX в. помимо фольги стали использовать еще более дешевую фольгированную бумагу.

Сосуществование нескольких экономик разных расхожих икон приводило к их конкуренции: крестьянин мог приобрести не просто дешевые иконы, но выбрать из них более красивые. В конце XIX в. фолезные и подфолезные иконы вызвали кризис русского иконного промысла: качество их письма не имело большого значения, икона писалась быстро, не полностью (только лики и руки) и закрывалась фольговым окладом. В производстве такой иконы оклады оказывались важнее ликов: не оклад создавался для готовой иконы, а икона для готового оклада. Это было производство, организованное состоятельными людьми, поскольку для изготовления таких икон требовалось закупать фольгу или создавать свое собственное фольгопрокатное заведение.

Уже в XIX в. дешевую расхожую иконку начали помещать в деревянный киот и украшать, имитируя металлические храмовые ризы и разнообразный декор церковных образов. Развитие расхожей иконы этого типа можно представить как взаимодействие двух важных ее структурных элементов – киота и убора (декора) иконы. С одной стороны, наследуя принципам организации средневековых реликвий, киот как особая ниша для сакрального создавал возможность для наполнения этой ниши святынями и убранством, то есть действовал как аффорданс. С другой стороны, хрупкость материала (тонкая фольга или бумага легко рвались, мялись или откреплялись от образа) определяла необходимость и популярность недорогого киота как футляра. Так родились *фолезные иконы-киотки*. В конце XIX в. их рынок потеснили фабричные иконы, печатанные хромолитографическим методом по бумаге и жести. Появляются гибридные формы фолезных икон – на основе не писаных, а бумажных или жестяных образов.

В подпараграфе «**"Фолезный век" в русской литературе**» приведены фрагменты из литературно-художественных источников XIX–начала XX вв., позволяющие проследить смену технологий расхожих икон, популярность тех или иных их типов не только в деревенском, но и в городском доме, а также развитие представлений о сияющей православной иконе.

Второй параграф **«Трансформация фолежной иконы-киотки в советский период»** посвящен тому, как изменилась материально-технологическая сторона ее производства при советской власти, после закрытия иконных фабрик и мастерских. Некогда сложное разветвленное производство уже без всяких цехов, капиталов стало помещаться в маленьких мастерских деревенских кустарей-надомников. Вместе с тем, в отсутствии инфраструктуры, средств и легальных источников ресурсов, иконы, создаваемые мастерами в советское время, не были маленькими и аскетичными в оформлении. Основной тип такой иконы – фолежная икона-киотка, это крупные и разнообразно украшенные иконы. Однако их материалы были недорогими и в условиях ресурсного дефицита зачастую заимствовались из сфер, не связанных с иконным промыслом (лыковый промысел, колхозная столярка, городское фотоателье, пищевая, молочная и даже атомная промышленность и пр.). Эти внешние по отношению к промыслу источники ресурса и производственные агенты играли роль материальных, промысловых и промышленных аффордансов в становлении иконы нового типа. Именно эта производственно-экономическая особенность и связанные с ней сети теневых отношений разнообразных акторов позволили нам увидеть в таком иконном промысле типичные черты советской материальности и нелегальной кустарной промышленности советского времени. Поэтому такие иконы-киотки были названы нами «советскими иконами».

«Советской икона» не была изобретена как абсолютно новая форма, первые мастера создавали ее, подновляя и обряжая дореволюционные иконы-киотки. Немалую роль в этом играли ремесленные техники, перенесенные в село бывшими монахинями из закрытых к 1930-м гг. монастырей. Поэтому, в отсутствии иконописных центров, именно расхожая фолежная икона-киотка стала основной формой «советской иконы». Перейдя от промышленной к кустарно-надомной форме, иконный промысел реархаизировался, но продолжал развиваться, обращаясь к новым материалам и технологиям.

В подпараграфе **«Смена технологии: от хромолитографии к фотографии»** дается подробное описание трансформаций технологий и материалов, связанных с производством моленных образов. Сопоставляются церковные и кустарные технологии фотографических иконок советского времени. Рассмотрены особенности сюжетного фонда иконографии «советской иконы».

Подпараграф **«Трансформации основного материала: фольга – лыко – фольга»** посвящен трансформации материалов и технологий в декорировании (уборе) икон-киоток. Описаны основные элементы декора «советской иконы» и техники нанесения орнамента в зависимости от особенностей фольги ее убора. Рассмотрены случаи смены семантики и

прагматики элементов убранства иконы: свадебный венок невесты становится частью убора иконы, имитация бутонов флёрдоранжа, значимая для викторианской моды, превращается в грозди парафиновых «ягодок».

Проанализировано значение старых (станиоль, гальванированная фольга, дерево, лыко, бумага, ткань) и новых (алюминиевая фольга и пластик разных видов, обои, поролон, новогодняя мишура) материалов в эволюции промысла «советской иконы». В декоре подновляемых икон-киоток новые материалы чаще всего заменяли или закрывали собой старинный убор. В отличие от антикваров, для мастера или хозяина иконы ее дореволюционное убранство зачастую могло не представлять особой ценности. Тем более что с начала XX в. до расцвета «советской иконы» (1950–60-е гг.) прошло не так много времени, и такое убранство еще не воспринималось как дорогое и антикварное. Ценным оказывался не старинный (и чаще всего потускневший) убор, а яркий декор из алюминиевой фольги, способный отражать свет и сверкать в красном углу. Новые иконы-киотки полностью перешли на алюминиевую фольгу, однако и в них сохранялись черты «низового барокко» и «орнаментализма мышления», значимые для дореволюционных мастеров расхожей иконы (И.Л. Бусева-Давыдова, О.Ю. Тарасов). Различные варианты наложения и сосуществования старых и новых декоративных элементов разного происхождения и семантики рассмотрены в подпараграфе **«Икона как бриколаж»**. Описано, как киот «советской иконы», по принципу «ниши для святого», в совокупности с наполняемым его содержимым (сама икона, ее декор, венчальные свечи и пр. семейные реликвии) формировал комплексную семейную святыню.

Третий параграф **«Локальные традиции нижегородской "советской иконы"»** посвящен описанию локальных традиций нижегородской «советской иконы» ее зрелого периода (1960–80-е гг.). Предложены идеи к типологизации и описанию локальных традиций. На нижегородских примерах рассмотрено явление *рустикализации* (Б.Р. Виппер, О.Ю. Тарасов) как механизм развития локальной традиции («манеры», «пошиба»), заключающийся в переносе ремесленных или стилевых элементов от одной социальной (сословной, религиозной, этнической) группы к другой. Применительно к каждой из семи локальных традиций нижегородского юго-запада (Вачская, Навашинская, Кулебакско-Гремячевская, Ардатовская, Дивеевская, Арзамасская, Ташино-Понетаевская традиции) дано подробное описание характерных для них техник и визуальных маркеров. Юго-западные традиции сопоставлены с «советскими иконами» нижегородского севера (Воскресенский, Тоншаевский районы), для которых глубокий киот с молочной фольгой не был обязательным атрибутом. Все эти традиции локализованы географически и могут быть картографированы как зоны распространения с ключевыми центрами (сёла

мастеров) и связанными с ними населенными пунктами, в которых проживали поставщики материалов и заказчики икон.

Третья глава **«Пересборка социального: новые практики и новые акторы промысла "советской иконы"»** фокусируется на социальном аспекте промысла фолежной иконы-киотки советского времени: анализируются трансформации акторной сети его участников, рассматриваются семиотические идеологии и практики, окружающие промысел.

В первом параграфе **«"Советская икона": практики и семиотические идеологии»** сначала рассматриваются практики и локусы, связанные с этими иконами. Применимо к «советской иконе» мы говорим о вернакулярных, не институализированных религиозных практиках (L. Primiano, А.А. Панченко). Объясняется это, во-первых, нелегальным статусом этого промысла, отсутствием институализированной инфраструктуры производства и распространения «советских икон», в отличие от капитализированного, зачастую промышленного промысла расхожих икон на рубеже XIX–XX вв. Во-вторых, во многих случаях религиозные практики местного (сельского и даже городского) населения в советское время были вынужденно вернакулярными (в лингвистическом и антропологическом понимании вернакуляра как местного, народного) – по причине закрытия большинства храмов и других акций и реалий советских антирелигиозных кампаний. Вернакулярные практики, связанные с «советскими иконами» – это не только собственно религиозные, ритуальные практики, например, благословение жениха и невесты «венчальной парой», крестные хода и пр. (то есть *практики обращения* – циркуляции и использования икон). Это также и технологические практики изготовления этих икон, и ресурсно-экономические практики взаимодействия между различными акторами их промысла, то есть *практики производства*. Кроме того, акторная сеть промысла выполняла интеграционную функцию в жизни локальных сообществ. «Социальная биография» конкретной «советской иконы» складывается из совокупности этих практик.

Конфликты мнений, действий по отношению к «советским иконам», проистекающие из разных семиотических идеологий, проявляются преимущественно в постсоветское время, когда их промысел постепенно исчезает, а сами иконы заменяются продукцией Софрино и других предприятий. Негативные семиотические идеологии определяют отношение к таким иконам как к устаревшим, ненужным или даже опасным объектам. Возрастает значение практик ритуальной утилизации (сжигание в церковной печи и пр.), в том числе практик отложенной утилизации (складирование в церковных сараях, перемещение икон в природниковые, кладбищенские часовни и пр.). Охранительные

семиотические идеологии актуализируют другие практики перемещения: после смерти владельца иконы, воспринимаемые как семейные святыни, не уничтожаются, а «пристраиваются» среди потомков и родни.

В эпоху СССР, когда промысел активно развивался, конфликта семиотических идеологий практически не было, поскольку «советская икона» была тогда наиболее распространенной и эстетически востребованной, а ее промысел – доминирующей формой промысла расхожей иконы. Государственная и церковная власти не контролировали и не боролись с этим промыслом. Выпускаемые церковными мастерскими фотографические иконки во многих случаях воспринимались как материал для «советской иконы». Церковное производство фотографических и ризографических икон не было доминирующим, а оказывалось в роли сопутствующего промысла в вернакулярном промысле «советских икон». Поскольку у «советской иконы» не было конкурирующих форм, постольку не существовало и ярко выраженных конфликтов семиотических идеологий.

Во втором параграфе **«Новые акторы иконного промысла»** анализируется трансформация социальных сетей акторов (поставщиков, распространителей, мастеров, работников сторонних производств, заказчиков и пр.), участвовавших в создании «советских икон». Дается описание этой «теневого сети»: подробно рассказывается о монахинях, перенесших после закрытия монастырей ремесло монастырских иконообделческих мастерских в ближайшие села, о взаимодействии мастеров-образовников с фотографами, печатавшими «иконный самиздат», о «новых офенях» – распространителях (фотографий и готовых «советских икон»), фольклоризируемых как цыгане, баптисты, глухонемые и пр., о теневых поставщиках фольги и фотографий икон.

В третьем параграфе **«Мастера из нижегородских сел: типология и жизненный путь»** дается типология мастеров-образовников в эпоху СССР. Определены три поколенческих группы: старшее поколение мастеров (1930–1950-е гг.), среднее (1960–1980-е гг.) и младшее (1990–2010-е гг.). Проанализировав нарративы, связанные с 24 образовниками нижегородского юго-запада (17 женщин и 7 мужчин), мы выделили четыре основных типа мастеров: (а) Монахини в миру: старшее поколение образовниц, которые принесли промысел из монастыря в село; (б) «Наследники благочестия»: самая большая группа; перенявшие промысел от старших мастериц; (с) «Люди заработка»: среднее поколение – образовники, для которых промысел был приносящим деньги делом; (д) «Экспериментаторы»: младшее поколение мастеров, обратившихся к промыслу в большей степени по причине интереса, хобби.

Представлено несколько кейсов жизни и ремесленных приемов нижегородских мастеров, анализируются нарративы семейной и общинной памяти, связанные с ними. Описаны особенности экономики «советской иконы», структуры промышленной территории, значение религиозного и этнокультурного факторов в становлении локальной традиции и индивидуальной манеры мастера.

В **заключении** диссертации подводятся итоги исследования. Дальнейшие перспективы связаны с описанием новых локальных традиций «советской иконы» в нижегородском и других регионах, с изучением проблематики культурной, коммуникативной и предметной памяти о локальных традициях промысла, с исследованиями речевой и фольклорной прагматики в нарративах участников промысла.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК

1. Цветы Липовки: ардатовская фолежная икона советского времени // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2023. – № 2. – С. 32–55. (в соавторстве с А. И. Завьяловой).
2. Советские иконы и деревенские святые // Шаги / Steps. – Т. 9. № 1. – 2023. – С. 320–333. (в соавторстве с Д. И. Антоновым). (ВАК, Scopus).
3. Советская икона нижегородского юго-запада : генезис и локальные традиции // Вестник РГГУ. Серия : Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2022. – № 4. – С. 70–93.
4. Келья, могилка, храм : распространение и апроприация благодати в топографии Дунюшкиной святыни // Вестник РГГУ. Серия : Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2022. – № 4. – С. 110–141. (в соавторстве с А. И. Завьяловой).
5. Белый конь на гребне горы : структура и маркеры коммуникации в визионерских практиках алтайцев // Вестник РГГУ. Серия : История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2016. – № 12. – С. 115–134.
6. Небесные письма Кудая и шаманские песни лебединской черни // Вестник РГГУ. Серия : История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2015. – № 6. – С. 131–142.

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, индексируемых Scopus и Web of Science

7. Отпечаток на стекле : контактные реликвии на постсоветском пространстве // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2021. – № 3 (39). – С. 209–243. (в соавторстве с Д. И. Антоновым).

8. The “Soft Iconoclasm” in Vernacular Orthodoxy of Volga Finns // IKON. Journal of Iconographic Studies. – 2018. – Vol. 11. – P. 197–204.

9. Огонь, потоп и война с Востока: культурный трансфер в современных эсхатологических представлениях на Алтае // Studia Litterarum. – 2018. – Т. 3. – № 3. – С. 278–303. (ВАК, Scopus).

Монографии

10. Советские иконы : история и этнография Нижегородской традиции. – М. : Индрик, 2023. – 264 с. (в соавторстве с Д. И. Антоновым).

11. Иконы советской эпохи : лики традиции. – М. : Индрик, 2022. – 184 с. (в соавторстве с Д. И. Антоновым).

Статьи в профессиональных журналах и научных сборниках

12. Шилокша – село образовников : между монастырем и трактом // Живая старина. – 2023. – № 1. – С. 35–40.

13. Шилокшанские образовницы : биография промысла // Живая старина. – 2023. – № 1. – С. 41–46. (в соавторстве с М.Х. Эль-Факи).

14. Советская икона : От рождения до «похорон» // Живая старина. – 2022. – № 1. – С. 29–33. (в соавторстве с Д.И. Антоновым).

15. Святыня как семиотический комплекс : распространенная благодать // Живая старина. – 2022. – № 1. – С. 33–38.

16. Распространенная благодать : тексты и комментарии // Живая старина. – 2022. – № 1. – С. 39–43. (в соавторстве с А. И. Завьяловой).

17. Религиозный синкретизм и ненасильственный иконоклазм в народном православии тоншаевских мари // Марийская культура : История, обряды, традиции, кухня, танцы, народные инструменты, промыслы, творчество. – Шахунья : б.и., 2022. – С. 52–67.

18. «Правым, ласковым глазом взгляни!»: глаза и взгляд в актуальной мифологии народов Алтая // Сила взгляда : глаза в мифологии и иконографии. 2-е изд., испр. и доп. / Сост. Д.И. Антонов. – М. : РГГУ, 2019. – С. 217–281.

19. Соизмеримость, бикультурность и domestикация: эпистемологические основания и следствия в экспериментальной антропологии // *The Digital Scholar: Philosopher's Lab / Цифровой ученый: лаборатория философа.* – 2019. – Т. 2. – № 2. – С. 104–124.

20. Сила и угроза : стратегии защиты от сакральных образов на Алтае // *Изображение и культ : сакральные образы в христианских традициях : материалы научной конференции, Москва, РАНХиГС, 16–17 июня 2017 г. / Отв. ред. и сост. Д. И. Антонов.* – М. : Издательский дом «Дело», 2017. – С. 38–47.

21. Вода святая, вода мёртвая... «Мёртвые источники» в традиционной культуре южных районов Нижегородской области // *Нижегородский музей. Общество. История. Культура.* – 2009. – №18. – С. 18–22.

22. Культовый комплекс часовни Василия Великого в Большом Одошнуре // *Живая старина.* – 2008. – №2 (58). – С. 34–38.

23. Святой Василий Великий на Тоншаевской земле: природно-культовый комплекс нижегородских мари (по материалам экспедиционных записей 2000-х годов) // *Святыни земли Нижегородской : материалы региональной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 1 февраля 2007 г. – Нижний Новгород : Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2008.* – С. 184–204.